

Павел Муратов

Приключение Казановы, не рассказанное им самим

Источник: *Приключение Казановы, не рассказанное им самим* //Новая Юность, 1995, N 1/2, с.58-64.

Оригинал здесь: <http://www.lib.proza.com.ua/book/1660/>.

Было ли приятно встретиться в жизни с Казановой? Не будучи ни стариком, наклонным к магии, ни неопытным игроком, ни дамой, мало уверенной в своей нравственности, кажется, можно ответить на этот вопрос утвердительно. Впрочем, мы мало знаем о том впечатлении, какое Казанова производил на своих бесчисленных знакомых. Де Линь описал его, когда он был стар и беспомощен как дитя. Нам не вполне даже ясна наружность великого авантюриста. Она во всяком случае была далека от того, чтобы назваться особенно красивой. Казанова был высок ростом и широк в плечах; с годами признаки тучности стали явственно обозначаться в нем. Лицо его изобличало не слишком блистательное происхождение; правильный нос итальянца разделял на этом лице глаза, выражавшие ум и проницательность. Подвижный живой рот легко изображал беззлобную усмешку или откровенную чувственность. Низкий лоб не выдавал его обладателя ни за честолюбца, ни за мыслителя. В руках Казановы, непропорционально длинных, с цепкими, змеистыми пальцами скрывалось нечто важное для всего его существа. Нервная сила, таившаяся в них, легче всего могла бы объяснить его власть над женщинами.

Этого, может быть, недостаточно, чтобы верно судить о незабвенном авторе "Мемуаров". Иным мы не располагаем пока, и тем любопытнее для нас всякое упоминание о Казанове, встречающееся у его современников. Значительный интерес представляет эпизод, рассказанный венецианцем Марин Фазано в его неопубликованных записках. Записки посвящены целиком музыкальной жизни того времени. Будучи страстным dilettanto, Фазано является живой хроникой Венеции, сходявшей с ума от вокальных и музыкальных знаменитостей всякого рода. В этом отношении запискам его нет цены. Но они рисуют иной раз и целые картины венецианской жизни - зимой в концертных залах, театрах и "консерваториях", летом на виллах Силе и Бренты, куда гостеприимные хозяева наперерыв приглашали сопрано и mezza-voce, не спасавших их от москитов, но избавлявших от карт и летней скуки.

Фазано был не прочь рассказать мимоходом и анекдот. Один такой анекдот, неожиданнорывающийся среди монотонных и восторженных излияний по поводу Пакьеротти или Рубини, имеет всяческое основание назваться "приключением Казановы, не рассказанным им самим".

- Пакьеротти уехал, - вздыхает меланхолически Фазано, - и за отсутствие его нас не могло вознаградить прибытие другого гостя, столь же смело изъездившего весь свет и столь же неудержимо привлеченного приятностями жизни на вилле Капаер, прелестью ее владелицы и блеском собравшегося на ней общества. Джакомо Казанова, прославленный в молодости своим побегом из Пьемонта, жил среди нас одну неделю и прожил бы вероятно три или шесть, если бы его не заставило внезапно удалиться забавное происшествие, о котором я хочу рассказать, скрыв действительные имена других лиц, принимавших в нем участие.

Лишившись несравненного Пакьеротти, мы оказались упавшими с неба на землю. Любители, самого ужасного рода из числа встречающихся между Мирой и Доло, терзали наш слух. Иные из нас предались картам, и сами свечи жалостно роняли свои восковые слезы, принужденные сгорать не ради божественных мелодий, но ради музыки презренного золота. Позвякивая выигранными цехинами в своих обширных карманах, синьор Джакомо утешал нас за ужином рассказами. Дважды или трижды пришлось ему повествовать о знаменитом побеге, о казни Дамиана, о встречах с великой Помпадур и маленькою О'Морфи. Нравы холодной Голландии или глупых немецких княжеств вызывали не один раз громовой хохот за круглым столом Капаер.

В этом хохоте голоса наших дам слышались особенно звонко и отчетливо. Они не утомлялись слушать подвиги синьора Джакомо, соединившего в себе нового Улисса и нового Геркулеса. Многие из них знали наизусть все перипетии его любовных историй с патрицианкой на Корфу, с переодетой мальчиком певицей в Анконской Марке, с таинственной беглянкой в Парме, с дочкой банкира в Бернской